

ПРОБЛЕМА ПРИБАЛТИЙСКОЙ РУСОФОБИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ю.Ф. САМАРИНА

Аннотация

Одна из главных заслуг выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля Ю.Ф. Самарина (1819–1876) состоит во введении в русскую социально-политическую мысль вопроса о статусе русского народа на национальных окраинах Российской империи. Наибольшее внимание в своем творчестве Ю.Ф. Самарин уделил Прибалтийскому краю и рассмотрению так называемого «остзейского вопроса», суть которого сводилась к угнетению немцами русского населения, притеснению русского языка и культуры, а также православной веры. Размышления о русском вопросе со славянофильских позиций и сегодня не теряют своей актуальности, поскольку негативное отношение к русским на многих бывших окраинах Российской империи сохраняется.

Ключевые слова: русофобия, русский вопрос, Ю.Ф. Самарин, остзейский вопрос, остзейские немцы.

Автор

Федотов Марк Александрович

Студент факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В истории русской социально-политической мысли существует ряд вечных вопросов, которые не теряют актуальности с момента своего возникновения. К их числу принадлежит и проблема русофобии.

Необходимо отметить, что русофобия как явление обладает несколькими гранями. С одной стороны, ее содержание составляет положение русских на национальных окраинах Российской империи (в Остзейском крае, Польше, Закавказье, Средней Азии), а также заметное участие выходцев из них в политической жизни страны. С другой, это порожденное участием России в большинстве европейских войн XIX в. и ее вмешательством во внутренние дела европейских государств чувство страха перед русской экспансией [11. — С. 5–6]. Исходя из того, какой из двух названных смыслов вкладывается в понятие «русо-

фобия», мы можем условно выделить в этом явлении две стороны — русофобию внутреннюю (в России) и внешнюю (за пределами России, прежде всего, в странах Европы и США).

Идея такого разделения восходит к известному русскому поэту, публицисту и общественному деятелю Федору Ивановичу Тютчеву, который ввел в научный оборот сам термин «русофобия». В письме к дочери Анне от 20 сентября 1867 года он говорит о русофобии как о явлении, в котором нет места для принципов по причине ее инстинктивной природы [9. — С. 306]. Основными носителями русофобских настроений внутри России, по мнению поэта, выступали либералы-западники, революционеры-нигилисты, остзейские немцы и поляки, которых связывала между собой особая враждебность ко всему русскому. При этом носители

подобного чувства присутствовали и в правительстве. Ф.И. Тютчев назвал их «антирусской кликой» [10. — С. 22–34]. Речь шла о чувстве неприязни к русским как со стороны некоторых представителей русского дворянства, так и о русофобии, исходящей от населения окраин империи (остзейских немцев, поляков, кавказских народов). Однако возникновение проблемы русофобии в отечественной политической мысли можно проследить еще до Ф.И. Тютчева.

Традиция рассмотрения внутренней русофобии в русской политической мысли берет свое начало в работах замечательного мыслителя славянофильского направления, государственного деятеля и публициста Юрия Федоровича Самарина (1819–1876). Именно он первым начал говорить о существовании в России проблемы неприязни к русским со стороны населения окраин империи (прежде всего, остзейских немцев и поляков) и понял всю остроту русского вопроса и необходимость проведения грамотной национальной политики.

По меткому выражению биографа Ю.Ф. Самарина Б.Э. Нольде, «Самарин принадлежит к тому роду людей, с которых начинается современная Россия» [5. — С. 10]. Действительно, Ю.Ф. Самарин был настоящим сыном своей эпохи, он хорошо чувствовал актуальные проблемы, стоявшие перед русским обществом его времени. Его можно назвать соучастником века, поскольку Ю.Ф. Самарин был свидетелем и активным участником важнейших событий середины XIX столетия.

Отметим следующий факт. Юрий Федорович Самарин выделялся среди славянофилов тем, что наряду с научной деятельностью большую часть жизни он посвятил практическому воплощению своих идей в жизнь. Ю.Ф. Самарин был не просто философом, а государственным служащим, скорее практиком, чем теоретиком. В этом контексте наиболее известно его участие в

разработке и осуществлении Крестьянской реформы (работа в редакционных комиссиях Я.И. Ростовцева, Самарском комитете по разработке проекта освобождения крестьян, а также и реализации реформы посредством личного составления уставных грамот в Самарской губернии). Именно Ю.Ф. Самарин был одним из авторов Манифеста об отмене крепостного права.

Социально-политическое творчество Ю.Ф. Самарина многогранно. Однако главными темами для мыслителя стали крестьянский и национальный вопросы. Интерес к ним берет начало в 1846–1848 годах, проведенных Ю.Ф. Самариним в Остзейском крае¹. Именно там он лично увидел картину бедственного положения крестьян, столкнулся с проявлениями остзейской русофобии.

Необходимо кратко рассмотреть, что представлял собой Остзейский край во времена Ю.Ф. Самарина, а также раскрыть сущность так называемого «остзейского вопроса», прежде чем непосредственно говорить об идеях мыслителя. Остзейским краем (от немецкого названия Балтийского моря — Ostsee) в Российской империи называли три прибалтийские губернии — Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Первые две вошли в состав России по Ништадтскому миру 1721 г., а последняя — после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. С 1801 по 1876 г. губернии были объединены в отдельное генерал-губернаторство. Особенность края состояла в его правовом режиме и довольно широкой автономии. Местное законодательство отличалось от общероссийского, судопроизводство велось на немецком языке, в крае сохранялось особое сословное устройство, имевшее многие средневековые черты (городские магистраты, гильдии, цеха). Наряду с представителями верховной власти широкое участие в управлении

¹ Три губернии Российской империи — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская.

принимало местное дворянство. Оно собиралось на ландтаги, которые обладали широкой законодательной инициативой и являлись инструментом реализации сословных интересов и сохранения сословных привилегий [3. — С. 37]. Верховной власти ландтаги не подчинялись. Отметим, что нигде в империи не имелось аналогов подобным сословным институтам [Там же].

Основную часть (около 80%) коренного населения края составляли эсты и латыши [6]. Однако положение их было тяжелым. Большинство занималось крестьянским трудом на землях немецких баронов и фактически не имело никаких прав. Местную элиту составляло остзейское дворянство. Привилегированными сословиями были бюргерство (горожане) и духовенство, то есть немцы — потомки крестоносцев, прибывших в край еще в XIII в. и основавших г. Ригу. Основой их правового положения являлись привилегии, которые были зафиксированы в «Аккордных пунктах» в 1710 г. при сдаче Риги и Ревеля русским войскам и подтверждались каждым российским монархом. Именно они были залогом верности остзейцев верховной власти. В крае немцы составляли меньшинство: 11,3 % в 1881 г. и еще меньше — 6,2 % населения по переписи 1897 г. [4]. Русских же в крае было ненамного меньше, чем немцев, — около 5% [6].

Сущность остзейского вопроса заключалась в парадоксальном положении, сложившемся на этой национальной окраине. Абсолютное меньшинство населения господствовало над коренным большинством (латышами и эстами) и русскими. При этом *status quo, stilleben* (буквально «тихая гавань», состояние неподвижности, боязнь нового. — М. Ф.), тяга к которой стала основной движущей силой остзейцев, поддерживался правительством Российской империи и выходцами из края в политической элите государства [3. — С. 101].

Остзейский вопрос стал той проблемой, которая интересовала и волновала Ю.Ф. Самарина с момента его двухлетнего пребывания в крае фактически до конца жизни. Наиболее важными произведениями, посвященными Остзейскому краю, и в особенности проблеме русофобии, стали «Письма из Риги» и «История Риги», которые относятся к раннему периоду творчества, а также более позднее произведение «Окраины России», которое Ю.Ф. Самарину не удалось завершить. Остановимся на «Письмах из Риги».

Произведение было написано в 1848 г. и стало своеобразным итогом, чертой, которую Ю.Ф. Самарин подвел под своим двухгодичным пребыванием в Риге в составе ревизионной комиссии Министерства внутренних дел. Отметим, что в 1846 г. Ю.Ф. Самарин начал службу в комитете Министерства внутренних дел, который занимался устройством быта остзейских крестьян. Летом 1846 г. в Ригу отправилась комиссия министерства, целями которой было изучение истории и состояния городского общества и хозяйства, а также городского управления и сословий. На долю Самарина выпала работа с историческим материалом в рижских архивах. Ее результатами стали фундаментальный труд «История Риги», а также названные Д.Ф. Самариным «политическим памфлетом» «Письма из Риги» [7]. Это произведение стало не только первой попыткой публичного обсуждения национального вопроса на окраинах, но и вообще одним из первых примеров русской политической литературы.

Истоки остзейской русофобии, по мнению Ю.Ф. Самарина, лежат в истории. Основная причина неприязни к русским в немецкой среде — это осознание немцами в глубине души чувства своей исторической неудачи и поражения. Досада за это выливалась в ненависть к русским и России. «Вознаграждением за все утраченное служит

чувство племенной спеси, ничем не оправданная хвастливость и смешное презрение к России и ко всему русскому» [8. — С. 37]. Проблема остзейских немцев заключается в том, что они не способны трезво оценить современную им действительность и жить сегодняшним днем, а не «воспоминаниями о Плеттенберге¹ и славном прошедшем» [8. — С. 33]. Из противоборства с реальностью и самой логикой исторического развития рождается русофобия.

У самого Юрия Федоровича Самарина мы не встретим этот термин, однако описываемые им антирусские настроения наиболее точно характеризуются именно как русофобские. Чувство глубокой неприязни к России и русскому населению Риги проявлялось, прежде всего, в остзейской идентичности. Немцы не считали Россию своим отечеством, «для бюргера ее заменяет город, в котором он пользуется правом гражданства, для дворянина — его сословие и родовая вотчина» [Там же]. Выше групповой самоидентификации остзейцы не поднимались, отечество заменяло им сословие, Россия не была для них родиной, а приравнивалась к загранице². При этом они подчеркивали преданность монархии и считали себя, в первую очередь, подданными императора, который подтверждал их привилегии. Для Ю.Ф. Самарина, который рассматривал монарха как первого из русских православных людей и главного представителя народа, такой взгляд был неприемлем. Мыслитель не понимал, как можно быть подданным русского монарха и при этом презирать русский язык и религию [8. — С. 42].

Русофобия обнаруживалась, прежде всего, в неравенстве прав русских и

немцев. Если вести речь о дворянстве, то остзейские дворяне обладали правами на всей территории империи и входили в состав российского дворянства. При этом пожалование русского дворянина в остзейские рыцари было редким исключением. Следовательно, пользоваться своими правами на территории Остзейских губерний русское дворянство не могло [8. — С. 71]. Отметим, что русский дворянин, лишенный прав в Остзейском крае, мог реализовать их в любой русской губернии. Мещанин же мог быть приписан только к одному городу, то есть не мог быть при этом гражданином в другом. Именно русское население городов Остзейского края наиболее сильно ощущало на себе немецкую русофобию.

Русским чинили преграды на пути вступления в гильдии, не принимали в цеха и братства, они были лишены участия в сословном и городском управлении, не могли заниматься промыслами и ремеслами, которые были монопольной деятельностью братств и цехов. Из-за своей национальной и религиозной принадлежности они просто не могли входить в немецкие сословные корпорации. Не будучи членами цеховых организаций, русские люди не могли заниматься ремеслом и зарабатывать себе на жизнь. Их участием стали «страшная бедность и сопряженный с ней разврат» [8. — С. 87]. Если русским мастерам и торговцам и разрешали заниматься их профессиональной деятельностью, то требовали уплаты пошлины в пользу немецких мастеров (как бы для покрытия понесенных ими убытков): «Русский, трудящийся в поте лица, платит оброк немцу, который стоит подле него, скрестивши руки, покуривая трубку и побранивая русских <...>» [8. — С. 95].

Жесткая критика правительства и его проостзейской политики представляют собой наиболее смелые мысли, высказанные Ю.Ф. Самариним в своем произведении. На основании анализа истории края и изучения положения

¹ Плеттенберг Вальтер фон — магистр Ливонского ордена с 1494 по 1535 г.

² «Если бы вам попался в прошлом году листок рижских газет, вы прочли бы в объявлениях, что такие-то выехали за границу — nach Ausland, а затем такие-то в Россию — nach Russland, так что вам невольно пришлось бы в голову, что это пишется не в России, а вне нее».

русского населения в нем Ю.Ф. Самариным выдвигается тезис о противоречии устройства Остзейского края интересам России и данного региона [8. — С. 106]. Правительство являлось главной опорой и «замковым камнем» всей сословной системы в прибалтийских губерниях. Поддержка им немцев и искусственное сохранение отживших свой век учреждений нарушали интересы русского народа, России и самого края. Фактически Ю.Ф. Самарин говорит о лоббировании собственных интересов остзейскими немцами через представителей в правительстве, которых позже А.И. Герцен назовет «русскими немцами» и «немецкими русскими» [2. — С. 184–185]. «Чтобы быть полновластными господами у себя, остзейские привилегированные сословия должны располагать волей правительства, иными словами, быть господами у нас». Они давно это поняли; но мы до сих пор не могли еще понять, что Остзейский вопрос, по этой самой причине, имеет огромную важность для нас всех, для России; ибо, повторяю опять, одно из двух: или мы будем господами у них, или они будут господами у нас» [8. — С. 106]. Ю.Ф. Самарин первым осознал всю сложность и опасность остзейского вопроса для Российской империи, который, по его мнению, не являлся вопросом местного значения. Он постепенно приобретал общегосударственный характер, поскольку в него было вовлечено правительство. Эта самаринская идея хорошо раскрыта у уже упомянутого нами А.И. Герцена: «Немецкий элемент беспомощно потерялся бы на балтийских берегах без огромной

полицейской руки, поддерживающей его» [1. — С. 206].

«Письма из Риги» стали новым словом в русской общественной мысли. Их появление продемонстрировало наличие кризисных явлений и центробежных течений на национальных окраинах Российской империи. Труд Ю.Ф. Самарина стал началом нового направления не только в творчестве самого автора, но и во всей последующей социально-политической мысли России. «Письма из Риги» — это своеобразный славянофильский «манифест» по национальному вопросу в Российской империи, положения которого можно свести к следующим пунктам: 1) в империи существует господствующая нация — русская, которая имеет право проживать во всех частях государства, иметь равные права с народами, проживающими в не исконно русских губерниях, а также участвовать в управлении ими; 2) политика правительства должна проводиться исходя из интересов, прежде всего, русского народа, а не какой-либо привилегированной этнической группы; 3) все народы империи имеют право разговаривать на своем языке, исповедовать собственную веру, при этом уважая язык и веру русского народа.

История поставила точку в споре между патриотической позицией, выраженной Ю.Ф. Самариным, и остзейской русофобией. Само понятие «остзейские немцы» является названием несуществующей сейчас этнической группы, в то время как сам факт нашего обращения к творчеству Ю.Ф. Самарина показывает актуальность многих его идей, что позволяет сделать вывод о его исторической правоте.

Литература

1. Герцен А.И. «Колокол» и «День» (Письмо к г. Касьянову) // Герцен А.И. Собрание сочинений и писем: в 30 т. — М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954–1966. — Т. XVII. — 1959. — С. 206.
2. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. Собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954–1966. — Т. XIV. — 1958. — С. 184–185.

3. *Духанов М.М.* Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. — 2-е изд., перераб. и доп. — Рига: Лиесма, 1978. — С. 37.
4. *Лебедев С.* Остзейцы. Величие и гибель балтийского народа. — URL: <https://ruskline.ru/analitika/2019/8/2019-08-30/ostzejcy/> (дата обращения 06.06.2020).
5. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. — Париж: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. — С. 10.; 2-е изд. — Париж, 1978.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=725 (дата обращения 06.06.2020).
7. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. — М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1889. — С. I–CXXXV.
8. *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. — М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1889. — С. 37.
9. Литературное наследство. — Т. 97. — Ф.И. Тютчев. — Кн. 1. — М.: Наука, 1988. — С. 306.
10. *Ширинянц А.А.* «Патриотический труд» Ю.Ф. Самарина // Тетради по консерватизму: Альманах. — № 2. — М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. — С. 22–34.
11. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — С. 5–6.